

ДУШУ ОСТАВЛЯНО СЕБЕ

Имя Тамары Петкевич стало широко известно в 1993 году - после того, как была издана ее книга «Жизнь - сапожок непарный».
Да, уже многими были прочитаны и «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, и «Крутой поворот» Евгении Гинзбург, и «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, и даже «Большой террор» Роберта Конквеста, в которых описывался ужас сталинских лагерей с той или иной степенью документальности.

Но книга Петкевич по своей искренности выпадала из ряда практически всего тогда опубликованного.

Геннадий Норд

Тамара Петкевич родилась 29 марта 1920 года в семье участника Первой мировой войны, члена большевистской партии Владислава Иосифовича Петкевича в городе Невеле Витебской губернии. Сейчас он в составе Псковской области.

Вскоре семья переехала в Петроград, здесь у Тамары родились младшие сёстры, Валентина и Рената, здесь же она пошла в школу.

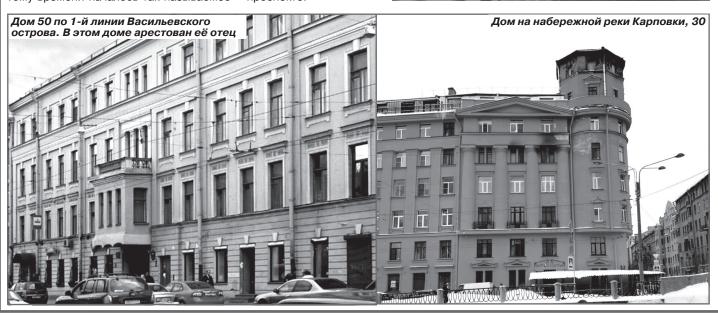
Сначала отцу Тамары дали ордер на огромную семикомнатную квартиру на Карповке, прямо напротив монастыря с замурованными мощами Иоанна Кронштадского. В этом доме семья прожила до середины тридцатых годов. К тому времени началось так называемое

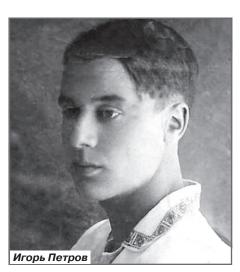
«уплотнение», постепенно для них оставили лишь две комнаты.

Отец страдал от условий коммуналки, и когда его друг Иосиф Курчевский предложил ему должность своего заместителя на заводе имени Козицкого - с предоставлением отдельной квартиры на Васильевском острове, Владислав Иосифович не раздумывая согласился.

Ну, а Тамаре пришлось перейти из школы №182, расположенной на площади Льва Толстого, в школу №4 на Среднем проспекте.

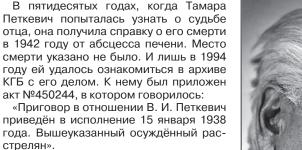
В конце ноября 1937 года Владислава Петкевича, который уже был тогда заместителем начальника строительства на станции Жихарево, арестовали. Пока он находился в тюрьме на Шпалерной, Тамара приносила ему тогда ещё разрешённые передачи. Через две недели после ареста отца её, как дочь врага народа да ещё и не отрёкшуюся от отца, «потерявшую бдительность», исключили из комсомола. Кроме того, ей в вину вменили ещё и клевету на органы НКВД, так как она не верила в справедливость действий чекистов.

Когда она разыскивала отца, в очереди в справочное бюро в Большом доме на Литейном она познакомилась с Игорем Петровым - своим будущим мужем. Его отец тоже был арестован, и Игорь с матерью также носили ему передачи.

А в январе 1938-го передачи у Тамары принимать перестали - ей было объявлено, что Владислав Петкевич осуждён на десять лет без права переписки и этапирован в Магадан.

Фотография из дела Тамары Петкевич
Петкевич
ВЛАДИТЛАВОВНА 1920г.

Владислав Иосифович Петкевич был расстрелян по так называемому Списку польских шпионов №54. Списки формировались согласно совершенно секретному приказу НКВД №00485 от 11 августа 1937 г. В предписании, отданном в канун дня расстрела, Петкевич значится 95-м из 97 «шпионов».

Несмотря на то, что Тамара была дочерью врага народа, она смогла после окончания школы в 1938 году поступить в 1-й Государственный педагогический институт иностранных языков на английское отделение. А в самом конце 1940-го она вышла замуж и уехала к мужу в Киргизию, куда того отправили в ссылку.

В 1942 году ей пришло печальное письмо от бывшей ленинградской соседки:

«Тамара. Надо тебе знать правду. Твоя мама умерла от голода. Хоронить её было некому. Смогли только вынести её на лестничную площадку. Евдокия Васильевна».

Умерла и её сестра Рената. Выжила лишь Валентина. Она попала в детский дом, и в пятидесятые годы Тамара смогла её разыскать.

В городе Фрунзе (сейчас Бишкек), где она жила, ей удалось поступить в медицинский институт, но и как ленинградский, окончить его ей не пришлось - в

начале 1943-го и она, и ее муж были арестованы. Тамара в мае того же года была осуждена на семь лет лишения свободы, три года поражения в правах с конфискацией имущества по статье 58-за пропаганду и агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти. Игорь получил десять лет, отправили их в разные лагеря, и семья в результате распалась.

Сначала её этапировали в Джангиджирский женский лагерь на сельскохозяйственные работы. Сельхозработы эти заключались в том, что при сорока-пятидесятиградусной жаре необходимо было убирать тростник кенаф - своеобразную коноплю, шедшую для производства мешковины и верёвок, необходимых фронту. Работа была каторжная, от стеблей конопли постоянно отлетали мелкие частицы в виде иголок, впивавшихся в лицо, голову, рот и избавиться от них было невозможно, следствием чего были постоянные нарывы на всех открытых участках тела.

А когда сезон сбора кенафа закончился, заключённых перевели на другую командировку. Они рубили тяпками замёрзшую капусту, дёргали из-под снега мёрзлый турнепс, собирали закаменевшую сахарную свёклу.

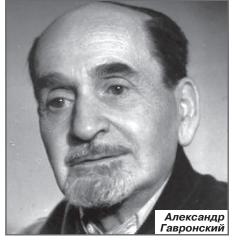
Последним лагерем в Киргизии, в котором оказалась Петкевич, был Беловодский, близ подножия Тянь-Шаня. Здесь Тамара попала в бригаду, рывшую фундамент для эвакуированного сюда Харьковского сахарного завода.

Во время одного из этапов по Средней Азии она дала себе слово, рассказать когда-нибудь обо всём:

- Мысль написать о пережитом помнится возникла неизвестно откуда взявшимся импульсом во время этапа, когда нас вели ночью из одного среднеазиатского лагеря в другой.

А в конце 1943 года она была переведена на север Советского Союза - в республику Коми, в Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь НКВД (Севжелдорлаг). Здесь она сначала попала на лесоповал, лагерная колонна которого издевательски нежно называлась «Светик». Потом отправили на строительство овощехранилища, на огородные работы.

В конце концов, она тяжело заболела цингой и была комиссована. Тут пригодились её пусть и небольшие знания

в медицине - ведь она успела немного поучиться в мединституте. И пока она лежала в лазарете, в неё влюбился врач, носивший загадочное имя Флориан.

Тамара ответила ему взаимностью. А Флориан принял её на работу медсестрой.

«Предназначенное лично мне время ветром проносилось мимо. Я осознавала это. Ощущала почти физически. И надо мной всё больше забирало власть нечто более сущностное, чем решение. Надежда! Упование. Когда же, если несейчас? У меня будет ребенок! Наперекор всему. Будет дитя, которому я отдам сердце. Не станет выматывающей тоски и чёрного омута одиночества. Я хочу иметь ребёнка!»

Она родила сына, назвала его польским именем Ольгерд (Ольдик) - она всегда себя считала полькой, хотя и не знала польского языка и была крещена православной бабушкой в Ленинграде. Она понимала, что сына с ней в лагере не оставят - по тогдашним каннибальским законам, детей, рождённых в лагере, когда им исполнялся год, отправляли в детдома.

И Тамара согласилась на то, чтобы Ольдик воспитывался до её освобождения в семье Флориана Захарова. Но вскоре Захаров уехал и увёз с собой сына, у которого теперь было русское имя Олег.

После освобождения из заключения она долго его искала, а когда нашла, то мальчику было уже одиннадцать лет, и мать в ней он не признал.

Ещё когда она работала в лазарете, её встретил бывший бригадир и предложил попробовать свои силы в качестве чтеца в Передвижном театрально-эстрадном коллективе. К её радости, она была принята, и это во многом определило её дальнейшую жизнь. Именно в лагерном театре она познакомилась с режиссёром и философом, другом Бориса Пастернака Александром Гавронским, дружбу с которым пронесла через всю свою жизнь.

Здесь же она встретила и свою любовь - актёра Николая Теслика. И когда её срок закончился, она осталась в Княжпогосте дожидаться любимого. Каждый день она приходила к лагерю, чтобы тот хотя бы в окно мог её увидеть.

Но смерть оказалась и в этот раз сильнее любви - Николай умер от туберкулёза. А Тамара смогла убедить начальника ла-

Окончание на с.8

Окончание. Начало на с.7

геря, которого все заключённые считали зверем, чтобы тот позволил похоронить его не в общей могиле, а в отдельной:

«На городском кладбище наняла кого-то вырыть яму. К трём часам белёсой июньской ночи уже сидела на куче брёвен у вахты ЦОЛПа.

Припадая на больную ногу, из зоны вышел надзиратель Сергеев. Направился ко мне. Я испугалась: передумал? Откажет? Он коротко глянул, протянул свёрток: мои письма к Колюшке. Сам вынес их из зоны.

- За вещами придёте завтра, – сказал.

В тишине июньской ночи пятидесятого года заскрипели ворота лагерной зоны ЦОЛПа, медленно открылись. Оттуда выступила лошадь с дрогами. На них стоял сколоченный заключёнными друзьями гроб с Колюшкой.

Дорога шла через посёлок. У некоторых домов стояли люди. Колюшку знали. Любили. Крестили. Плакали.

Спасибо им! Тем, кто стоял. Кто вышел той ночью.

...Засыпали могилу. Коли больше не было. И времени не стало. Не стало и меня. Легла на холм. Земля была живой. По-

том кто-то тряс меня за плечо: Не дело так. Хватит. Завтра опять

придёте. Здесь нельзя одной оставаться, - уговаривал старший надзиратель Сергеев.

Почему он отдал мне Колюшку? Почему разрешил похоронить на кладбище, всё взяв на себя?»

Могила Николая Теслика существует и сейчас.

Больше в Княжпогосте её ничего не держало. Она уехала в Сыктывкар, работала в местном драмтеатре. Вернуться в Ленинград она не могла - у неё в паспорте стоял штамп «минус 39», означавший запрет на проживание в тридцати девяти крупнейших городах Советского Союза -

и она работала в театрах Чебоксар, Шадринска, Кишинёва.

В Кишинёвском русском драматическом театре имени Чехова Тамара познакомилась со своим будущим мужем, главным режиссёром этого театра Владимиром Галицким.

В ноябре 1954 года судимость с Тамары Петкевич была снята, в 1957-м она была полностью реабилитирована.

В 1959 году она смогла вернуться в Ленинград, в 1967-м с отличием окончила театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

А сразу после освобождения в пятидесятом она начала писать свою главную книгу. И писала её двадцать лет. А потом ещё больше десяти лет ей приходилось прятать рукопись под половицами паркета - времена хоть и были уже не людоедские, но и не совсем вегетарианские.

В 1993-м в России книга «Жизнь - сапожок непарный» была опубликована и вскоре переведена на несколько европейских языков.

После выхода книги к ней приехал её сын. Тамара Иосифовна подружилась с его женой Анной, которая часто привозила к ней внуков - Андрея и Алексея.

Кинорежиссёр Эльдар Рязанов так отозвался о книге Тамары Петкевич:

- Я открыл, понял, что это будет про ГУ-ЛАГ и подумал: что я могу ещё прочитать про ГУЛАГ после Солженицына, Шаламова, Разгона, Гинзбург?

Но дальше я не мог оторваться, я плакал, и сейчас, когда вспоминаю свои впечатления - это невозможно, это невероятно. Я верю каждой фразе, каждому слову, которые написала Тамара Владиславовна в своей книжке, и думаешь: сколько пережила эта женщина!

Потом были и другие книги. Она написала и второй том своих воспоминаний об уже послелагерной жизни - «На фоне звёзд и страха».

пьютере, который освоила, когда ей было уже за восемьдесят. Про вторую её книгу Татьяна Гердт сказала:

 Я человек очень счастливый, мне Господь посылал всё время замечательных людей. Но потрясений человеческих у меня было в жизни два: Твардовский и Тамара Петкевич. Это не лагерная литература. Это то, что даёт силы жить.

Последней её книгой стали письма Александра Гавронского, опубликованные под общим названием «Шёпот сердца».

Тамара Петкевич всю жизнь оставалась потрясающе красивой женщиной. Это отмечали все, кто её хоть раз увидел. В неё влюбился даже следователь, ведший её дело. Красива она была и внутренней красотой. Красива и всегда внутренне свободна. А ещё она однажды сказала слова, остающиеся до сих пор актуальными:

Театровед Марина Дмитревская, актриса Светлана Крючкова и Тамара Петкевич на 95-летнем юбилее

Мне, пожалуй, уже стыдно чего-то бояться - возраст и судьба исчерпали многое. Не хочется, конечно, умирать в муках. Но страшно было бы оказаться свидетелем того, что люди повернут назад, к пещере, уже отмерив энное количество шагов к преодолению своей незрелости.

Тамара Владиславовна Петкевич умерла 18 октября 2017 года в возрасте 97 лет. Она была похоронена рядом со своим мужем режиссёром Владимиром Галицким в Комаровском некрополе.

Однажды она написала:

«Бульварные новости», апрель 2025, №13 (251)

«Душу я оставляю себе. Без совладельцев».

